

СИЗИФЫ В СОЦИОЛОГИИ (ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ КНИГИ МАЛКОМА УОТЕРСА)

М. Синютин

Санкт-Петербург

В наследство от эпохи выделения социологии из философии остается неугасающий интерес к широким понятийным конструкциям и общетеоретическим решениям проблем социальной жизни. Данный интерес во многом подогревается неудовлетворенностью социологов в собственных решениях. Кажется, что они вынуждены каждый раз совершать, подобно Сизифу, одну и ту же работу. Видимо, где-то на заре своей истории они, как герои античной мифологии, обмолвились о том, о чем следовало молчать. В результате, если вспомнить Апполодора, необдуманное слово закончилось гневом верховного бога Зевса как для сказавшего их Сизифа, так и для внявшего им Асона. Быть может, социологи аналогично ушли в бесплодную деятельность, а тех, кому хотели помочь, бросили на произвол судьбы? Известно, что в каждом деле важна расстановка приоритетов: выделение важного и второстепенного. Справилась ли с этим социология за последние без малого две сотни лет? Какие темы стоят на повестке дня современной социологии? Есть ли в данной науке порядок? Ответы на эти и многие другие подобные вопросы предлагаются неустанно наиболее авторитетными учеными и почти никому не известными авторами.

Среди тех, кто размышляет над состоянием и перспективами современной социологической теории - австралийский социолог Малком Уотерс, в настоящее время декан факультета гуманитарных и социальных наук университета Тасмании, крупнейший теоретик в австралийской социологии последних лет. Он известен своими публикациями в ведущих социологических изданиях по проблемам социологической теории, социальной структуры, политики и культуры. В 1994 году к числу его опубликованных монографий добавилась книга "Современная социологическая теория"[1].

Работа Уотерса относится к разряду исследований не столько самого общества, сколько науки об обществе. Через классификацию ведущих социологических концепций Уотерс выходит на основные свойства социологической теории, с одной стороны, и на основные социологические темы - с другой. Метатеоретический анализ позволяет Уотерсу выдвинуть несколько требований к социологической теории. Положения такой теории должны быть абстрактными, т.е. отделенными от социальной практики, к которой они обращены, тематизированными, т.е. общими для группы принципов; логически последовательными, проникающими во все стороны явления, самостоятельными, объясняющими, принятыми в обществе социологов. Значение социологической теории должно возрастать по мере включения ее в процесс обучения. Этот аспект вроде бы, на первый взгляд, не предъявляет каких-либо особых требований к теории. Но Уотерс на базе социологического осмысления выводит необходимость шести теоретических стратегий. Во-первых, следует осуществлять поиск и предлагать практические решения. Во-вторых, необходимо противостояние господствующим теоретическим аргументам. В-третьих, нужен синтез теорий с их интерпретациями. В-четвертых, надо согласовывать

исследовательские решения. В-пятых, теоретики-социологи должны выявлять ключевые формы, элементы, аксиоматические принципы. В-шестых, предметом осмысления должны быть важнейшие события социальной жизни.

В последние годы в социологической литературе применительно к рассуждениям о принципах строения социологической теории установился специальный термин - метатеория. Ведущий современный разработчик данной проблемы - Ритцер - резюмирует важнейшие смыслы метатеории [2]. Она должна быть, как он выражается, прелюдией к развитию теории, а также служить средством более глубокого понимания теории и соединения теоретических перспектив. Только превращение метатеории в неотъемлемый и эффективный инструмент социологии позволит отвоевать для нее нишу в науке. Востребованность метатеории очень зависит от движения социологической проблематики. Скажем, приход в 90-е годы XX века эпохи синтеза в теорию, очевидно, повышает ее возможности. Любому, кто более или менее знаком с социологической литературой, известно, что социологи-теоретики часто развивают свои концепции на базе изучения работ своих коллег. Причем речь здесь, как правило, идет именно об области трактовок социальных фактов, категориально-понятийном аппарате и методологии социологической теории.

Причин всплеска активности социологов в области общетеоретических проблем несколько. Одним из стимулов стало кризисное состояние, в котором социология оказалась в 80-е годы. Французский социолог Бурдьё приветствует разрушение прежней научной монополии [3]. С этим можно согласиться, если принять идею англичанина Гидденса о дискуссионном характере социологического знания. То обстоятельство, что именно в 80-е годы была развернута критика метатеории, лишь конструктивно повлияло на последующее развитие. Полезным шагом на пути внедрения метатеории в социологию явилась теория Куна. Невзирая на известную самостоятельность социологии, ее представители не перестают следить за разработками в других даже очень далеких от нее научных сферах. В этой связи Тирикьян отмечал, что метатеорию можно представлять как критическую проверку адекватности переноса теорий, моделей и понятий из других наук в социологию [4]. Все перечисленные причины касаются либо положения, либо конкретных связей социологии в системе научного знания. Но есть и такие причины, которые возникли в результате внутритеоретических процессов в социологии. Во главе таких причин лежит наиболее пока трудноразрешимая - стремление к синтетической теории. Причем обобщений ждут как методы, так и проблемы. Похожая ситуация была в социологии в начале XX века, когда на искомую роль претендовала идея плюралистического метода. Тогда, 80 лет назад, русский социолог Кистяковский сформулировал текущую задачу: "Не строить систему, не углублять и осмысливать познанное, а подготовить и разработать пути и средства поиска нового научного знания" [5].

Прошедшие десятилетия показали, насколько сложно становится социологам без теоретической системы. Сейчас господствуют убеждения, что синтетическая теория вовсе не должна с помощью одних и тех же постулатов разобраться со всем социальным миром. Скорее она должна связать воедино теоретические построения, приемлемые в отдельных сферах. Еще одна причина популярности метатеории состоит в том, что наметился прогресс в решении ранее второстепенных вопросов, которые брались раньше а priori и не ставились под сомнение. В особенности это касается настоятельной потребности решения вопросов о связи микро- и макроуровней и соотношения действия и структуры. Неплохую услугу метатеории оказала мода на постмодернизм, когда появился интерес к классическим текстам, особенно переосмыслению применительно к современному состоянию науки.

Если верно, что теоретико-социологические разработки несут на себе отпечаток тех культурных сообществ, к которым принадлежат их авторы, то это влияние будет прослеживаться и в метатеории. Стоит, видимо, согласиться с мнением Валласа, что в социальных науках нет единого междисциплинарного языка и что сегодня здесь становится типичной коллективная и фрагментарная научная деятельность [6]. Одновременно его утверждение о неспособности современного научного мира в лице его отдельных представителей на широкомасштабные обобщения носит скорее риторический оттенок.

Надо признать, что обилие накопленных знаний и взаимный обмен идеями ставят на повестку дня проблему стандартизации и систематизации. Прежде всего это касается основных социологических категорий и закономерностей. С другой стороны, на решение этой проблемы воздействует процесс сближения социологов, во-первых, специализирующихся в различных областях, а во-вторых, находящихся в поле разных культурных традиций. Такие традиции имеют обычно национальный оттенок, и достаточно сложно предсказать их судьбу при интеграции в мировое научное сообщество.

Нидельман и Штомпка объясняют пестроту национально-теоретических различий тем, что социология в качестве формы рефлексивного самосознания конкретных обществ привязана к их культурно-историческому опыту [7]. Учитывая яркие события мировой истории последнего десятилетия, они предлагают три гипотезы ближайшего развития социологической теории: новую “золотую эру” европейской социологии; возвращение центра социологии в Европу; необыкновенные успехи европейской социологической периферии (Центральная и Восточная Европа). Пока же основные центры остаются прежними: США, Германия, Великобритания, Франция, и, возможно, Италия и Скандинавия. Одно время на подобный статус претендовали СССР, Япония, Индия. Пока же должного влияния на мировое социологическое сообщество они, увы, не оказывают.

В то время как немецкий социолог Луман не считает национальные различия в социологических теориях значительными [8], его болгарский коллега Генев подчеркивает важность национальных традиций в силу упорядоченности в их национальном milieu [9]. Однако эта включенность вынуждена все чаще сдавать “экзамен на прочность” по мере просачивания идей со стороны. Преодоление национальной обособленности социологических традиций происходит прежде всего в сфере наиболее фундаментальных теоретических проблем. Природу этой теоретической основы социологи видят по-разному. Для Нидельмана и Штомпки социологические обобщения и интеграция достигаются через стандартизацию исследовательских методов, на уровне прагматических утилитарных и инструментальных критериев. Гидденс и Коген считают, что универсальная общность проявляется в возможностях агентов менять природу предмета, т.е. рамки социальной организации. Есть и те, кто, подобно Уоллерстайну и Милибанду, допускают обобщения в связи с базовой логикой социальных процессов, которую создает микросистемный анализ. Небольшая часть авторов уповает на абстрактные, особенно, как Вилсон, математические параметры.

Если посмотреть шире, за рамки социологической теории, то можно увидеть, что процесс интеграции активно обеспечивается международным научным сотрудничеством, обобщением части исследовательского пространства и общими социальными процессами. Это значительно более высокий уровень сотрудничества социологов, чем сто и даже сорок лет назад.

В последнее время стало популярно излагать социологическую теорию в системно-историческом плане, когда присутствует стремление охватить все накопленное богатство концепций. Для примера можно взять Коллинза [10], Мюнха [11], Уотерса [12], Джонсона с Дандекером и Эшуортом [13]. В подобных исследованиях направляющей является историческая преемственность теоретических традиций, ведущих происхождение от классиков. Для Уотерса основу классической традиции составляет Вебер и Зиммель, Спенсер и Дюркгейм, Маршал и Парето, Маркс и Энгельс. Каждая из упомянутых “пар” стоит у истоков отдельной традиции. Бурдьё, наоборот, подчеркивает на фоне всех различий теоретическое единство классиков и утверждает, что они сформулировали единый тип подхода к социальному анализу. Ясно одно, что вопрос о классике уместен лишь для исторически не преходящих теоретических проблем. Любопытно отметить, что Луман критикует сильную ориентацию на классиков из-за ее расхождения с современной социальной действительностью. С позицией немецкого ученого можно в чем-то согласиться, но она не выглядит достаточно обоснованной. Скорее виден иной мотив: если отвергнуть классиков, то для заполнения образовавшегося пробела потребуется не что иное, как более современная, но не менее насыщенная теоретическими абстракциями системная теория самого Лумана.

Сегодня почти каждый авторитет в социологии рассматривает вопрос о социологической классике. Наиболее полно и емко он взят Александром [14]. К категории классики он относит те разработки, которые отошли в историческое прошлое, получив при этом привилегированный статус *vis-a-vis* современных исследований в той же области. По его мнению, классика не должна зависеть от эмпиризма, что явно противоположно идее Лумана. Эмпирические данные не вправе проверять теорию, в границах которой они нашли свое объяснение. Чаще они просто выпадают из-под этого объяснения и даже противоречат ему. Функциональная потребность в классике развивается необходимостью интеграции поля теоретического дискурса. Именно это функциональное требование объясняет образование дисциплинарных связей.

Вопреки поверхностному мнению классика не усложняет, а упрощает понимание социальной жизни. С одной стороны, наличие классики позволяет применять ее положения без необходимости поиска критериев их оценки. Замечено, что ссылка на классика придает любой разработке важность, ставит на уровень теоретических исследований. С другой стороны, продуктивная полемика дает новых классиков. Такому отношению к классике можно дать простое объяснение. Предельно общие сферы научных дискуссий отталкиваются скорее не от начал объективного мира, а от переполненных условностями текстов и предпочтений отдельных культурных сообществ.

В силу центрального положения классики в социологии следует рассматривать основной формой теоретического аргумента трактовку. Добавим, что положение и значение классики неотделимо от принципа критицизма по отношению к остальным течениям. Классика основывается на устремлениях, имеющих феноменологические основания: теоретические интересы и интерпретативную практику. Поэтому Александр считает связь текста с намерением конструктора гораздо более сильной, чем зависимость от рефлексий какой-либо реальности.

Действие, рациональность, структура, система - эти фундаментальные классические принципы, по мнению Уотерса, легли в основу типов теоретизирования, созданных развитием социологии. Однако эти принципы были бы слепым разглагольствованием вне проблемных тем, где формируются специфические закономерности общественного строения и развития. Уотерс упоми-

нает культуру и идеологию, власть и государство, пол и феминизм, дифференциацию и стратификацию. Коллинз также полагает, что традиции и школы живут за счет созданных себе ниш в социологической проблематике. Если принципы выделения социологических традиций, по Уотерсу, образуют целый комплекс, то классификация Коллинза опирается на расхождение принципов социальной причинности. Поэтому у последнего число типов теоретизирования сводится к трем. Конфликтный тип отталкивается от взаимной борьбы экономически детерминированных интересов. Дюркгеймовский тип относит все социальные явления на счет морально-символической силы групповых структур. Микроинтеракционизм считает базовым фактором взаимодействие сознаний, конструирующих повседневную социальную реальность.

Устойчивость сохраняют не только типы исследования, используемые классиками, но и сами проблемы, ставшие классическими. Чтобы не быть голословными, обратимся к опыту авторов коллективной монографии под названием “Классические диспуты в социологии”, вышедшей в Лондоне в 1987 году [15]. Здесь мы найдем подтверждение важности вопросов, касающихся природы капитализма: переход от доиндустриального общества к индустриальному, судьба капитализма, набор капиталистических мотивационных диспозиций. Среди наиболее отвлеченных вопросов упоминаются такие, как проблема личности и общества, организация социального пространства, понятие класса. Отдельный интерес привлекают два вопроса: научная точность социологических объяснений и закономерностей, а также статистически объясняемые отклонения социальной жизни.

Знакомый российским читателям шведский исследователь Пер Монсон в достаточно общей форме определяет, что традиции социальной науки базируются на условностях, касающихся методологии и природы человека и общества [16]. Однако вопрос об определенной классификации традиций он предпочитает оставить скорее открытым. Поэтому количество традиций в его книге варьируется в зависимости от конкретизации основных методологических дихотомий: субъективное - объективное, деятель - структура, микро - макро, индивидуализм - холизм, рационализм - институционализм. Как бы оспаривая подобную точку зрения, Бурдьё считает эти дихотомии главным образом ложными и вытекающими из усилий по установлению в теории положений, связанных с обладанием различными формами культурного капитала. Французский социолог переоценивает роль в происхождении этих проблемных дихотомий тех стремлений ученых, в которых они навязывают наиболее доступный им самим способ занятия социологией в качестве единственного легитимного. Несмотря на очевидную зависимость теоретического конструирования от культурной среды, вряд ли допустимо игнорировать связь происхождения дихотомий с природой социальной реальности как таковой. Есть и иной аспект во взгляде Бурдьё на дихотомии, а именно заложенная в ее противоречиях возможность результативной научной полемики и связанные с ней перспективы социологического знания. Впоследствии движение традиций, конечно же, будет зависеть от путей решения имеющихся дихотомий и от сделанных по ним шагов. Ситуация напоминает ту, что охарактеризовал Зиммель, говоря о единстве телесного и духовного в науке о человеке [17]. “Нигде с такой остротой и ясностью не выступает недостаточность наших средств духовного выражения жизненных содержаний, как в этом отказе прежде логически значимых альтернатив служить при настоятельной необходимости какого-то еще неформулируемого третьего. То, что мы хотели бы выразить, уже не помещается в эти формы, но вызывает их стремиться к новым: они остаются пока лишь догадками или расплывчатой фактичностью, возвещающей потребностью или поисками наугад своего таинственного настоящего”.

Уотерс стремится упорядочить представления о теоретических традициях в социологии. Их типологизация исходит, с одной стороны, из природы элементов (субъективное - объективное), а с другой стороны, из терминов объяснения (индивидуалистское - холистское). В итоге образуются четыре типа, базирующихся, как уже отмечалось, на классических принципах: конструкционизм (действие), утилитаризм (рациональность), функционализм (система), критический структурализм (структура). Схожий синтез теоретических структур предлагали Джонсон, Дандекер и Эшуорт. Правда, в основе определения ими четырех типовых стратегий теоретизирования лежат природа социальной реальности (материальное - индивидуальное) и способы ее познания (номинализм - идеализм). Следовательно, полученные типы будут отличаться от типов Уотерса: эмпиризм, субстанционализм, субъективизм, рационализм. Если дело не в терминах, а в содержании, то следовало бы сохранить ясность параметров типологии. Относительно исследуемой социальной реальности таким параметром выступает ее генезис, или причинность. Наложение каждого последующего параметра будет удваивать классификационную сетку. А поскольку наиболее важно определиться в фундаменте этой классификации, наиболее принципиальные дискуссии может вызвать второй по очереди параметр. Как правило, его связывают с различными версиями о соотношении общего и единичного. Рассматриваемые примеры это подтверждают. Уотерс ищет логическую нить и предлагает квинтэссенцию основных типов теоретизирования.

Для сторонников конструктивизма характерно представление о человеке как коммуникативном агенте, созидателе социальных норм. Его поведение обладает смысловым содержанием и мотивировано целями. Целевые и смысловые отношения являются результатами человеческого взаимодействия. Интерсубъективная реальность образует субстанцию социального мира, которая воспроизводится регулярностью взаимодействия. Конструктивистский подход требует описывать и трактовать повседневный социальный мир и средства общения. Ведущим современным представителем конструктивизма Уотерс считает Гидденса.

Человек в представлении утилитаризма выглядит субъектом, который во взаимоотношениях с другими основывается на расчете личных интересов и средств их реализации. В координации общения по его выгоды и в нацеленности на максимизацию личного интереса проявляется человеческая рациональность. Основной мотив поведения - вознаграждения (духовные и материальные), получаемые от социального мира. Величина и ценность вознаграждения зависит от вовлеченности во взаимодействие. Последние представляются либо как отношения обмена, либо как конкурентные игры. Устойчивость человеческих ценностей порождает нормативность, моральность. Научные средства утилитаристов направлены на поиск рациональных целей и структур, созданных для их реализации. Для них стремления и интересы человека в социальном мире носят объективный характер. Наиболее заметной фигурой современного утилитаризма является Эльстер.

Функционализм исходит из представлений о необходимости для человеческого существования нормативной системы, носящей императивный характер. Поэтому для него характерными становятся потребность в моральной поддержке, религиозность, культурный конформизм. Внутренний мир человека, его интересы и поступки определяются состояниями и закономерностями целой социальной системы. Общество воздействует на индивидов через механизмы социализации и социального контроля. Человеческие взаимоотношения носят в основе своей властный характер и выступают как взаимозависимость. Любая зависимость проявляется в социальном положении и имеет функциональный характер. Цель исследования заключается в выяснении

функциональных зависимостей общественной системы. Поэтому функционалисты концентрируются на рассмотрении структур национальных сообществ, политических, религиозных, и других организаций. По мнению Уотерса, крупнейшим функционалистом сегодня можно назвать Александра.

Для критического структурализма присуще представление о социологическом явлении как организованной системе отношений. Прежде всего его интересует развитие материальных структур и их влияние на индивидов, сообщества и культуры. Социально-экономическое и историческое положение человека определяет все его социальные характеристики. Поэтому его поступки зависят от обстоятельств и взаимодействия элементов структуры. Сама структура есть реальность, скрытая за уровнем сознания и проявляющаяся в повседневном жизненном опыте. Функциональный принцип структурной организации - бинарная оппозиция. Что касается ее развития, то оно зависит от природы культурных продуктов и имеет определенные стадии. Круг наиболее общих закономерностей структуры замыкается взаимодействием ее экономических, политических и идеологических параметров. Задача исследования - аналитически найти скрытую реальность, состоящую из набора устойчивых отношений. В число лидеров современного структурализма входят Хабермас и Деррида.

Если исследовательские традиции так и останутся данностью для социологической науки, то, по крайней мере, их следует довести до того состояния, когда они станут не препятствующими, а содействующими обстоятельствам существования и прогресса социологической теории. В наши дни эту данность составляют три типа различий в осмыслении происходящего в социальном мире: по отраслям; по теоретико-методологическим школам; по национально-культурной принадлежности.

Пока социологи находятся кто в ожидании, кто в разработке соответствующего современности теоретического синтеза, их научное сообщество выглядит скорее лоскутным одеялом: пестрое, но все же единое и пока служащее общей цели.

1. **Waters M.** Modern sociological theory. London, 1994.
2. **Ritzer G.** Metatheorizing in sociology. Toronto, 1991.
3. **Бурдье П.** Начала. М., 1994.
4. См. **Anderson R.J., Hughes T.A., Sharrock W.W.** (ed.). Classic disputes in sociology. London, 1987.
5. **Кистяковский Б.** Социальные науки и право. М., 1916. С. 3.
6. См. **Anderson R.J., Hughes T.A., Sharrock W.W.** (ed.). Classic disputes in sociology. London, 1987.
7. **Wedelmann B., Sztompka P.** (eds). Sociology in Europe. NY.; Berlin, 1993.
8. Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.Бороноева. Спб., 1994.
9. **Genov N.** (eds) National Traditions in Sociology. 1989.
10. **Collins R.** Three Sociological Traditions. Oxford, 1985.
11. **Munch R.** Sociological theory. Chicago, 1994. Vol.1.
12. **Waters M.** Modern sociological theory. London, 1994.
13. **Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К.** Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // THESIS: Альманах. 1993. V.1, 1 1.
4. См: **Giddens A., Turner J.H.** Social Theory Today. Oxford, 1987.
15. **Anderson R.J., Hughes T.A., Sharrock W.W.** (ed.). Classic disputes in sociology. London, 1987.
16. **Монсон П.** Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. Спб., 1992.
17. **Зиммель Г.** Избранное. Т.1. Философия культуры. М., 1996. С.488.